

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

ТОМ IV
(XVIII — начало XIX века)

Школа
«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1996

ББК 63.3(2)46-7
И 32

*Издание осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту 96-06-87120*

И 32 Из истории русской культуры, том IV (XVIII – начало XIX века). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 832 с.
ISBN 5-88766-010-4

В первую часть тома вошла ранее не публиковавшаяся работа Ю. М. Лотмана «Литература в контексте русской культуры XVIII-го века», расширенная и дополненная новым Введением и Заключением. Во вторую часть вошли статьи по истории русской культуры и литературы XVIII-го века В. М. Живова, Ю. М. Лотмана, А. М. Панченко, В. Н. Топорова, Б. А. Успенского, Г. В. Флоровского.

Книга адресована как широкому читательским кругам – старшим школьникам, студентам, просто любознательным читателям, интересующимся историей русской культуры, так и более подготовленным читателям – студентам, аспирантам и преподавателям специализированных кафедр и факультетов по истории культуры.

ББК 63.3(2)46-7

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства Школа «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-88766-010-4

© А.Д. Кошелев. Составление, 1996
© Авторы, 1996
© А.Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика. Культура», 1995
© В.П. Коршунов. Оформление серии, 1995

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя.....	9
Часть первая Ю. М. ЛОТМАН ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА	
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	13
ГЛАВА I. ИДЕИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ.....	27
1.1. Две концепции происхождения власти в Древней Руси (договор и награда).....	27
1.2. Природа государственной власти глазами теоретика и читателя XVIII века.....	39
1.3. Природа государственности в теории Просвещения.....	59
ГЛАВА II. ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ XVIII ВЕКА.....	83
2.1. Роль и место литературы в сознании эпохи.....	84
2.2. О жизни, которая не умещалась в литературу, и литературе, которая становилась жизнью.....	94
2.3. Литература и читатель: жизнь по книге.....	106
2.4. Классицизм: термин и (или) реальность.....	123
2.5. Жизнь текста в пространстве между кистью художника и зрением аудитории.....	148
ГЛАВА III. ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА.....	161
3.1. Люди и чины.....	161
3.1.1. «Трудитца о ползе и прибытке общем...».....	162
3.1.2. Табель о рангах.....	167
3.1.3. Мундиры, ордена, титулы.....	184
3.1.4. Эволюция петровской концепции службы.....	195
3.2. Женщина в культуре XVIII века.....	204
3.2.1. «Женский взгляд» на жизнь и культуру.....	204
3.2.2. Женский мир.....	205

3.2.3. Женские характеры в литературе и жизни.....	233
3.2.4. Женское образование в XVIII — начале XIX века	247
3.3. Стереотипы бытового поведения и восприятия жизни.....	265
3.3.1. Сватовство. Брак. Развод.....	265
3.3.2. Итог пути	295
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	327
ЛИТЕРАТУРА	337

Часть вторая
СТАТЬИ ПО ТИПОЛОГИИ И ИСТОРИИ
КУЛЬТУРЫ

ПРОТ. Г. ФЛОРОВСКИЙ Петербургский переворот	349
Ю. М. ЛОТМАН, Б. А. УСПЕНСКИЙ К семиотической типологии русской культуры XVIII века	425
В. М. ЖИВОВ, Б. А. УСПЕНСКИЙ Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII—XVIII века	449
Ю. М. ЛОТМАН Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века	537
А. М. ПАНЧЕНКО Князь Кантемир и князь Курбский (Профессиональный «диалект» и проблемы стиля).....	575
В. Н. ТОПОРОВ У истоков русского поэтического перевода («Езда в остров любви» Тредиаковского и «Le voyage de l'issle d'Amour» Талемана).....	589

Ю. М. ЛОТМАН	
Об «Оде, выбранной из Иова» Ломоносова.....	637
В. М. ЖИВОВ	
Государственный миф в эпоху просвещения и его разрушение в России конца XVIII века	657
А. М. ПАНЧЕНКО	
«Потемкинские деревни» как культурный миф	685
В. М. ЖИВОВ	
Кощунственная поэзия в системе русской культуры конца XVIII — начала XIX века	701
Ю. М. ЛОТМАН	
Несколько слов о статье В. М. Живова [«Кощунственная поэзия...»]	755
С. С. АВЕРИНЦЕВ	
Поэзия Державина.....	763
Б. А. УСПЕНСКИЙ	
Язык Державина	781
Ю. М. ЛОТМАН	
О соотношении поэтической лексики русского романтизма и церковно- славянской традиции	807
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	811
ПЕРВЫЕ ИЗДАНИЯ ПУБЛИКУЕМЫХ РАБОТ	830
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	831

От составителя

Выпуском четвертого тома (подготовленного первым) начинается издание пятитомного сборника работ (далее просто «Сборника») по русской культуре под общим названием «Из истории русской культуры»:

первый том – Киевская Русь;

второй том – Московская Русь;

третий том – XVII – начало XVIII-го века;

четвертый том – XVIII – начало XIX-го века;

пятый том – XIX век.

Цель предпринимаемого издания – отразить те представления о русской культуре и ее динамике, которые сформированы трудами наших современников – филологов, историков, культурологов. Хронологически – это работы трех последних десятилетий. Редкие исключения из этой хронологии сделаны для работ, сыгравших ключевую роль в развитии современного понимания отечественной культуры, в частности, для книги Г. В. Флоровского «Пути русского богословия», некоторые главы из которой включены в тома «Сборника».

Структура тома. Каждый том составляется из двух примерно равных частей: хронологической и тематической. Хронологическая часть – это единый текст, дающий целостное изложение истории культуры соответствующего периода. Он самодостаточен (для его понимания не требуется обращения к другим источникам, основные понятия и термины подробно поясняются, дается указатель имен) и ориентирован на широкие читательские круги. Тематическую часть составляют как новые, так и ранее публиковавшиеся статьи разных авторов, посвященные отдельным темам рассматриваемого периода культуры. Они носят, как правило, более специальный характер и рассчитаны на более подготовленного читателя.

Назначение издания. «Сборник» адресован как широким читательским кругам – старшим школьникам, студентам, просто любознательным читателям, интересующимся историей русской культуры, но не обладающим систематическими знаниями в этой области, так и более подготовленным читателям – студентам, аспирантам и преподавателям специализированных кафедр и факультетов по истории культуры.

Благодарности. В заключение этого общего предисловия составитель хотел бы выразить свою искреннюю признательность всем тем, чье доброжелательное участие и помощь в разработке концепции, структуры и содержания «Сборника» способствовали выходу четвертого тома и приблизили издание остальных томов. Особая роль здесь принадлежит В. Я. Петрухину, в беседах с которым многие самые общие соображения составителя уточнялись и наполнялись конкретным содержанием. Чрезвычайно полезными были также беседы о содержании «Сборника» с В. С. Баевским, Б. Ф. Егоровым, В. М. Живовым, В. Н. Топоровым и Б. А. Успенским, а в более поздний период – с Н. И. Толстым и С. М. Толстой. В осуществлении проекта неоценимы советы и дружеское участие М. И. Козлова.

Подготовка данного тома к печати вряд ли была бы возможна без деятельного участия Т. Д. Кузовкиной и В. И. Гехтман.

Предлагаемый вниманию читателя том «Сборника» открывается работой Ю. М. ЛОТМАНА «Очерки по русской культуре XVIII-го века». Кажется уместным изложить здесь кратко историю ее создания. В конце 1992 года я обратился к Юрию Михайловичу с просьбой принять участие в томах «Сборника», в частности, в формировании тома по XVIII-му веку. Живо откликнувшись на это предложение, он разрешил включить ряд своих статей в тематическую часть тома и прислал неопубликованную рукопись для хронологической части. В сопроводительном письме (от 13 февраля 1993 г.) он писал: *«В соответствии с Вашей просьбой и нашей договоренностью посылаю Вам экземпляр книги „Литература в контексте русской культуры XVIII-го века“. Эта книга была полностью подготовлена к изданию, но я разошелся с редакцией издательства в своем представлении о ее смысле и задачах. Редакция требовала „обыкновенную“ историю литературы в традиционном смысле. Я, со своей стороны, не видел никакого смысла в таком издании и стремился представить литературу XVIII-го века как момент в развитии культуры. Последнее я понимал совсем не в том, чтобы украсить литературу вставными главами, посвященными другим искусствам, так как представляю себе культуру не в образе механически соположенных различных видов искусства, науки и т. д., а как некое органическое целое, если угодно, некоторое живое существо, сложно соотношенное как со своим окружением, так и со своим прошлым и будущим. Вопрос усложняется еще и тем, что входящие в культуру элементы (различные искусства, духовные движения и т. д.) не заключены в ней как какие-то предметы в мешке, а, скорее, напоминают органы единого организма, связанные и конфликтующие одновременно. Таков был замысел, насколько он получился, мне судить трудно...».*

В ответном письме, после слов благодарности, я спрашивал, нельзя ли расширить этот текст, например, путем присоединения к нему (с необходимыми редакционными переделками) некоторых фрагментов из «Бесед о русской культуре» – текста, подготовленного к публикации в другом издательстве – и написать для получившегося текста Введение и Заключение? Привожу фрагмент письма Юрия Михайловича (от 17 июня 1993 г.), присланного вместе с расширенным текстом: *«Несмотря на то, что в настоящее время я себя очень плохо чувствую, тройными усилиями (Таня, Влада <Т. Д. Кузовкина, В. И. Гехтман> – А. К.) мы постарались максимально удовлетворить Ваши пожелания. Это облегчалось для нас тем, что в подавляющем большинстве это совпадало с нашими собственными мнениями. Мы написали Введение и Заключение, а также внесли ряд частных изменений. В таком виде текст представляется для нас подготовленным для дальнейшего издательского прохождения<...>*

Р. С. Посылаю материал с оказией, потому что почта заставляет вспомнить слова гоголевского Акакия Акакиевича, что „чиновники – народ – того, не надежный“».

А. Д. Кошелев

28 октября 1996 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ю. М. Лотман

**ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ
РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
XVIII — НАЧАЛА XIX ВЕКА**

Эта часть книги составлена из текстов, написанных Ю. М. Лотманом в разное время. Первая и вторая части готовились в середине 80-х годов для серийного издания Московского университета «Очерки по русской культуре», но не были напечатаны.

Не вышел в свет и очередной сборник «Статей по типологии культуры», куда включил этот текст Ю. М. Лотман в 1990 году.

Последняя авторская редакция текста осуществлена летом 1992 года при подготовке данного издания. Также были внесены дополнения и исправления в те главы из «Бесед по русской культуре», которые вошли в эту книгу.

Т. Д. Кузовкина

Тексты Ю. М. Лотмана подготовлены
Т. Д. Кузовкиной и В. И. Гехтман

ПРЕДИСЛОВИЕ

История XVIII века давно уже сделалась своеобразным полигоном, на котором испытываются те или иные вооружения, включаемые исторической наукой в свой арсенал. XVIII век проносит перед глазами историка и разнообразные формы исторической динамики, и их последствия; он показывает нам сначала теоретическую модель, а потом практическую ее реализацию. И, что особенно существенно, в своих противоречиях он не только раскрывает перед потомством сущность определенных идей от момента их зарождения до исторической исчерпанности, но и позволяет увидеть, что в принципе делается с теорией, когда она превращается в практику, и как трансформируется практика, возведенная в теорию. Известное положение стороннего зрителя позволило Радищеву в стихотворении «Осмнадцатое столетие» глубоко проникнуть в сущность переплетения безумия и мудрости той эпохи, расцвет и исчерпанность которой ему пришлось пережить.

Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро.
Будешь проклято во век, в век удивлением всех.
Крови — в твоей колыбели, припевание — громы сраженьев;
Ах, омоченно в крови ты ниспадаешь во гроб <...>
(Радищев I, 127).

Радищеву как герою пушкинского послания к Юсупову («К вельможе») довелось наблюдать исторический взрыв, одновременно исполняя двойную роль и созерцателя, и участника.

Всё изменилось. Ты видел вихорь бури,
Падение всего, союз ума и фурий,
Свободой грозною воздвигнутый закон,
Под гильотиною Версаль и Трианон

И мрачным ужасом¹ смененные забавы.
Преобразился мир при громах новой славы²

(Пушкин III, 219).

Реализация исторических конфликтов XVIII века одновременно в их французском, немецком, английском (а также американском) вариантах вводила русского наблюдателя действительно в то исторически исключительное положение, которое позволило позже Тютчеву сказать:

Счастлив, кто посетил сей мир
В его минуты роковые —
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир;
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был,
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил!

(Тютчев 1939, 49).

Русскому наблюдателю, «примерявшему» все пути исторического развития, которые открыл Великий Взрыв XVIII века, было естественно почувствовать, что, говоря словами поэта, «на чужой манер хлеб русский не родится». Осознание своего как «своего» требует предварительного знания чужого и осознание его как «чужого». Отсюда вытекает несколько неожиданный вывод: стремление к самобытности органически зарождалось именно в русском западничестве; в этом убеждает нас исторический пример Чаадаева и Пушкина, Лермонтова и Тютчева.

Различные потоки культуры неравномерно развиваются на всем ее протяжении. Период взрывов плодотворен для успехов теоретического знания, капитальных на-

¹ *Ужас* — калька термина «террор». Используется здесь Пушкиным для исторически точного описания и, следовательно, не несет авторской эмоциональной окраски, а представляет собой «чужое слово».

² «Гром новой славы» — имеется в виду Наполеон.

учных открытий, а относительно плавное, постепенное движение выдвигает на первый план успехи техники, практических достижений, массовые и относительно предсказуемые явления. Следуя уже сложившейся терминологии, в этом случае цивилизация обгоняет культуру. Однако для истории России это вторичный, перевернутый вариант. В исходном, первичном, русская история многократно демонстрирует, что культура пророчески обгоняет цивилизацию. Именно этот случай воспринимается мировым процессом как «типично русский», и именно в этой своей ипостаси Россия наиболее активно влияет на мировое развитие. Не изобретатели и банкиры, а Толстой и Достоевский, народовольцы и эсеры — вот что в первую очередь вспоминается при слове «Россия». Примечательно, однако, что это представление было выработано первоначально не русским, а западноевропейским сознанием. Верная традиции усваивать достижения мировой мысли, русская культура органически воспринимает их, доводит до предела и превращает в порождение собственной мысли. Если заранее оговориться, что эта метафора не точна, как любая метафора, такую позицию можно было бы назвать ролью женского начала в дуализме мирового зачатия. Можно предположить (не забывая, однако, сколь непрочны все предсказания в данной сфере), что мы сейчас вступили в полосу цивилизации и что историческая стрелка прогресса устремлена на пространство плавных, постепенных, предсказуемых, прогрессивных движений, то есть указывает на Европу, а не на взрывы, которые свойственны русскому процессу, о котором, кажется, нельзя сказать точнее, чем это сделал Блок в стихотворении «Художник»:

Прошлое страстно глядится в грядущее.

Нет настоящего. Жалкого — нет.

Интересно, что эти строки описывают у Блока не русский исторический процесс, а нечто совершенно иное: момент поэтического вдохновения, когда сознание поэта дина-

мично и бесформенно одновременно. Такая динамическая бесформенность содержит в себе все возможности формы. Готовая же форма, по Блоку, уже в рождении своем содержит застылость смерти:

И, наконец, у предела зачатия
Новой души, неизведанных сил, —
Душу сражает, как громом, проклятие:
Творческий разум осилил — убил.

Победа разума (заметим, творческого) для Блока — это момент, когда поток пламенной магмы превращается в нечто пойманное, оформленное, наделенное лишь ограниченным движением, то, что у Блока вызывает образ птицы, посаженной в клетку:

Вот моя птица, когда-то веселая,
Обруч качает, поет на окне.

Крылья подрезаны, песни заучены.

(Блок III, 145–146).

Историческое соседство русской культуры с великими цивилизациями Запада и Востока, осуществлявшими на ее глазах циклы своего исторического развития, сопричастность им и одновременно неслиянность с ними, постоянная возможность взглянуть на каждую из них как на свою и чужую одновременно — все это создавало возможность оценивать собственную культуру и как глубоко интимное «свое», и как до враждебности далекое «чужое». Так возникает та любовь-ненависть, которая составляет лейтмотив русского отношения к Европе. Противоречие, однако, усложняется тем, что этот взгляд внешнего наблюдателя на Россию мгновенно осваивается русской культурой, включаясь в общий поток того «чужого», которое она тотчас же превращает в «свое».

Тургенев в «Записках охотника», описывая умственную цепкость, деловитость и умение перенять все новое,

если оно полезно, в характере крестьянина Хоря, писал, что, глядя на него, он убедился, что Петр I был истинно русский человек. Эти слова автора «Записок охотника» имели, конечно, полемический характер и направлены были против славянофилов, однако свести их значение только к полемике нельзя: Тургенев был глубоко убежден, что путь России — путь прогресса и европеизации. С этой позиции он воспринимал и XVIII век, но для него не было секретом и то, что именно в XVIII веке сложилось русское крепостное право, надолго отбросившее Россию от Европы. На позиции признания органичности пути, на который встала Россия в XVIII веке, стоял и Островский — автор таких произведений, как «Комик XVII-го столетия». Мнение Островского, глубокого знатока истории русской культуры, счастливо избежавшего односторонности и славянофилов, и западников, особенно показательно.

Жизненность путей, на которые встала Россия в XVIII веке, подтверждается, в частности, тем, что прения вокруг этой эпохи не кончились до сих пор. Если, например, невозможно себе представить современное французское общество страстно дискутирующим об оценке Генриха IV или даже Французской революции и Наполеона, то любой спор вокруг вопросов XVIII века в России до сих пор немедленно приобретает актуальный и отнюдь не академический характер. Это свидетельствует, что эпоха XVIII века для нас еще не кончилась, и мы смотрим на нее глазами заинтересованных современников. Точки над «i» еще не расставлены. Это вытекает, как уже было сказано, из того, что историческая динамика этого периода еще не исчерпана. Однако для этого есть и гораздо более прозаические причины: несмотря на то, что сводные издания, посвященные культуре XVIII века, с завидным постоянством повторяют, как правило, один и тот же список наименований, которые мы также встречаем в учебниках и справочниках, его далеко еще нельзя считать исчерпанным. Не случайно, начиная с Г. А. Гуковского и